

1. Реализация алгоритма на предварительной стадии осмотра места происшествия по делам о пожарах предложенного в публикации будет способствовать формированию комплексного подхода к работе следственно-оперативной группы при на месте пожара.

Л.В. Павлова

*Институт правовых исследований
НЦЗИПИ Республики Беларусь*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОТЕРПЕВШЕМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ПРОЦЕССЕ В 60-90-е гг. XX в.

В советский период развития уголовного права и процесса по вопросам лиц, потерпевших (пострадавших) от преступлений, было проведено значительно меньше исследований, чем по проблемам лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Проявившееся в конце XIX в. – начале XX в. внимание к частным интересам в праве (Н.С. Таганцев, А. фон Резон, М.В. Духовский, М.Г. Штильмарк, Т.М. Яблочков, др.) было прервано идеями социализма, в соответствии с которыми публичные начала советского уголовного права и процесса способствовали поглощению государством прав и свобод частного лица.

В начале 60-х гг. XX века научные исследования по вопросам потерпевшего от преступления возобновились и были связаны с окончанием периода «культы личности», падением тоталитарного режима, «переходом к коммунизму, означающему всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан» (материалы XXII съезда КПСС) [1, с. 97]. Перед учеными-юристами, в контексте означенных идей гуманизма и демократии, были актуализированы вопросы личности, развития ее прав и свобод, совершенствования механизма правосудия.

В 1960 г. был принят Уголовный кодекс БССР (далее УК 1960 г.). В структуре данного закона главы, предусматривающие преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (глава 8), преступления против политических, трудовых, жилищных и иных прав граждан (глава 9) и преступлений против личной собственности граждан (глава 10), были дополнены новыми составами преступлений и размещены после глав о государственных преступлениях и преступлениях против социалистической собственности, предшествуя (чего не было ранее) должностным преступлениям, преступлениям против правосудия, порядка управления и др. В принятом УК 1960 г. законодатель, как и прежде, включил потерпевшего в уголовно-правовые запреты в качестве

признаков состава преступления, что имело значение для квалификации деяний, индивидуализации ответственности и наказания преступника.

В 1960 году был принят и Уголовно-процессуальный кодекс БССР (далее УПК 1960 г.). В нем впервые было дано законодательное определение потерпевшего: потерпевшим признавалось «лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред», а также изложены его процессуальные права (ст. 54 УПК 1960 г.). Следует отметить, что данная легальная дефиниция представляла собой не процессуальное, а материально-правовое определение потерпевшего.

Особую значимость по УПК 1960 г. представлял специальный раздел, посвященный участникам процесса, их правам и обязанностям. Напомним, что в предыдущем советском процессуальном законодательстве лицо, пострадавшее от преступления, имело весьма ограниченный круг процессуальных прав для защиты своих законных интересов, его положение по существу не отличалось от положения обычного свидетеля (за исключением статуса обвинителя по делам частного обвинения или статуса гражданского истца по делам частного, публичного обвинения) и не выполняло никакой уголовно-процессуальной функции [2, с. 22]. В принятом УПК 1960 г. потерпевший признавался участником процесса, был наделен рядом процессуальных прав, в частности: представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться со всеми материалами дела с момента окончания предварительного следствия; участвовать в судебном разбирательстве; заявлять отводы; приносить жалобы на действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, судьи, приносить жалобы на приговор или определения суда и постановления судьи, а также по определенным категориям дел (ст.ст. 110, 128 и 129 УК 1960 г.) лично или через своего представителя поддерживать обвинение в судебном разбирательстве.

Советскими учеными вопросы потерпевшего от преступления наиболее активно исследовались в 60-70-е гг. XX в., была признана необходимость их междисциплинарного изучения. Разработкой уголовно-правового понятия и признаков потерпевшего занимался П.С. Дагель («Потерпевший в уголовном праве», 1974 г.), вопросы принадлежности потерпевшего к объекту или предмету преступления рассматривали В.К. Глистин, Н.И. Коржанский. Благодаря А.Н. Красикову, Н.Ф. Кузнецовой, Ю.А. Афиногенову представление о роли потерпевшего от преступления было расширено, его стали рассматривать не только как объект преступления, но и в контексте обстоятельств (правомерное, неправомерное поведение, согласие на причинение вреда), влияющих на виновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

В это же время вопросами потерпевшего в криминологии занимались Д.В. Ривман, В.И. Полубинский, В.С. Минская и др. Благодаря работам Л.В. Франка («Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии», 1977 г.) произошло развитие и становление криминальной виктимологии, ориентированной, в т.ч. на профилактику преступлений.

В 60-70-е гг. состоялось согласование подходов ученых и практиков по ряду вопросов, связанных с потерпевшим от преступления: о производности статуса гражданского истца из положения потерпевшего; о непризнании потерпевшим лица, вред которому причинен в ситуации необходимой обороны, если обороняющимся не были превышены пределы обороны; о признании пострадавшего от преступления несовершеннолетнего лица потерпевшим в уголовном процессе, однако, с учетом его процессуальной недееспособности – необходимости участия его законного представителя [1, с. 111] и т.п. В комментарии к УПК 1960 г. было дано разъяснение о том, что потерпевшим по уголовному делу может быть только физическое лицо. Юридическое лицо, в случае причинения ему имущественного ущерба, участвует в деле в качестве гражданского истца [3, с. 46]. Лицо подлежало признанию потерпевшим и в том случае, когда по независящим от преступника обстоятельствам ожидаемый вред не наступил, хотя имелась попытка его причинить [3, с. 46].

Вместе с тем, исходя из социально-политической обстановки в стране, в публичных отраслях права сохранялась безусловная приверженность доминированию общественных интересов над частными. Подтверждением этому в правоохранительной сфере могут быть следующие примеры. По образцу предыдущего уголовного закона законодатель закрепил уголовную ответственность потерпевшего за отказ или уклонение от дачи показаний в том числе отношении члена семьи, близкого родственника; в качестве целей наказания были определены исправление и перевоспитание осужденных, предупреждение совершения новых преступлений осужденными и иными лицами [4, с. 42]. Данные цели наказания по существу ничем не отличались от целей наказания по Уголовному кодексу БССР 1928 г. и не рассматривали наказание с позиций восстановления справедливости и разрешения уголовно-правового конфликта. Необходимость рассмотрения мнения пострадавшей стороны при назначении наказания виновному лицу не была предусмотрена и введенным в действие уголовно-процессуальным законом 1960 г.

Несмотря на расширение прав потерпевшего, признание его участником процесса, законодатель по УПК 1960 г. не определил его в качестве стороны процесса по делам публичного и частно-публичного обвинения. Даже в случае отказа в ходе судебного разбирательства

прокурора от обвинения, суд продолжал разбирательство дела на общих основаниях без наделения потерпевшего функцией обвинения.

По названным категориям дел у потерпевшего отсутствовала легальная возможность участия в судебных прениях, в виду чего он не мог отстаивать свои интересы посредством выражения мнения об итогах проведенного исследования обстоятельств дела, анализа собранных доказательств, высказывания позиции по поводу подлежащих разрешению судом вопросов, в т.ч. о том, как в целом должно быть решено дело.

Кроме того, права потерпевшего и характер его участия в делах частного обвинения остались прежними и не подверглись каким-либо существенным изменениям. Право преследования как одно из существенных субъективных прав расширено не было и сохранилось в прежнем варианте (по делам об умышленном причинении легких телесных повреждений или побоев (ст. 110 УК), о клевете (ст. 128 УК) и об оскорблении (ст. 129 УК)). Категория дел частного-публичного обвинения претерпела изменение в сторону уменьшения и была сокращена до одного состава – неквалифицированное изнасилование (ч. 1 ст. 115 УК).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в советском правоведении господствовала методологическая установка, в соответствии с которой частный интерес в советском праве подменялся публичным, социалистическим интересом, что особенно характерно было для охранительных отраслей. Принятые в 80-90-х гг. постановления Пленума Верховного суда БССР по уголовным делам зачастую касались вопросов обеспечения процессуальных прав потерпевших, но не изменяли материально-правовое положение потерпевшего по существу и не определяли его как самостоятельного субъекта уголовно-правовых отношений и сторону процесса.

Подводя итог вышеизложенному следует сказать, что в советской юридической науке и практике вплоть до начала 90-х гг., несмотря на провозглашенный на рубеже 50-60-х гг. курс на развитие прав, свобод и законных интересов советского гражданина, предполагающий свободу выбора и распоряжения своими субъективными правами, законодатель объективно не мог предоставить самостоятельность частному правовому интересу из-за самой методологической установки советского права. Значимых теоретических исследований по материальным субъективным правам в охранительных отраслях права не проводилось (несмотря на осознание их необходимости [1, с. 29-30, 89-90], в связи с чем совершенствование положения потерпевшего от преступления выражалось лишь в отдельных уголовно-процессуальных мерах, в то время как его уголовно-правовой статус остался неразработанным. Данная

ситуация в итоге определила представление о потерпевшем от преступления исключительно как об участнике уголовно-процессуальных отношений в рамках уголовного судопроизводства. В принципе, такое положение дел сохраняется и в настоящее время.

Список использованных источников

1 Кокорев, Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам / Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Изд.-во Воронежского ун-та, 1971. – 160 с.

2 Савицкий, В.М. Потерпевший в советском уголовном процессе / В.М. Савицкий, И.И. Потеружа. – М.: Гос. изд.-во юрид. лит., 1963. – 171 с.

3 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР / Т.В. Альшевский [и др.]; под общ. ред. С.Т. Шардыко. – Минск: Государственное издательство БССР, 1963. – 316 с.

4 Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / А.В. Барков [и др.] ; под общ. ред. А.А. Здановича. – Минск : Беларусь, 1989. – 430 с.

Е.М. Попов

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВООГРАНИЧЕНИЙ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 года № 672, предусматривает расширение практики применения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, среди которых значится и мера пресечения в виде домашнего ареста. Однако количество фактов избрания данной меры пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых остается незначительным.

Социологическим исследованием установлено, что 75,6 процента работников правоохранительных органов считают применение домашнего ареста целесообразным, хотя только 42,7 процента из них применяли такую меру пресечения. В качестве причины, препятствующей ее активному применению, 58,5 процента респондентов обозначили отсутствие надлежащей законодательной базы, предусматривающей порядок применения